

ОДИССЕЙ

2012

Предательство:
опыт исторического анализа

История в средневековой
арабо-мусульманской системе знаний

Крещение детей и монстров
в средневековой Скандинавии

А. Н. Савин:
неизвестная жизнь известного историка

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII вв. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

<i>Г. Альгази</i>	
ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ	244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

<i>Ю.Ф. Игина</i>	
МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ	280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

<i>К.А. Левинсон</i>	
“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ	322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>А.В. Бусыгин</i>	
МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ	362
<i>М.Ю. Зенченко</i>	
ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО ВЕРСИИ	384

РОССИЯ: QUO VADIS?

<i>Б.В. Дубин</i>	
МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ 2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА?	428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА	448

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.Н. Соколов</i>	
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ	
<i>А.М. Лидов.</i> Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009	464
<i>Т.М. Васильева</i>	
GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ...	474
<i>А.Б. Герштейн</i>	
СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ	

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoieva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MEDIÉVAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIÉVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

Ю.Ф. Игина

MEMORIA ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ

УДК 94 (47). 045

Представленное исследование – о том, как Лжедмитрий I создает собственную *memoria*, направленную на сохранение памяти о нем в потомках, действуя так, как это было принято делать во всех правящих династиях, и о том, как он использует эту *memoria* для репрезентации своей власти. Автор исследует, каким образом манифестируется *memoria* Лжедмитрия, каково ее содержание и чем оно обусловлено, каковы особенности создаваемой Лжедмитрием *memoria*, когда она выполняет функцию репрезентации его власти “вовне”, особенно перед Европой, ставленником которой, как принято считать, он был.

Ключевые слова: Лжедмитрий I, самозванец, самозванчество, манифестация власти, легитимация власти, история памяти, Смутное время, доспех, большая печать Ивана Грозного.

Key words: False Dimitriy I, impostor, imposture, manifestation of power, legitimation of power, memoria, the Time of Troubles, armour, great seal of Ivan the Terrible.

Изучение истории первого российского самозванца – Лжедмитрия I – имеет давнюю традицию, хотя до сих пор точно не установлено, кем на самом деле был этот человек¹. Принято считать, что за “чудесно спасшегося” царевича Дмитрия – младшего сына Ивана Грозного, погибшего в Угличе в 1591 г., – выдавал себя беглый чудовский монах Григорий Отрепьев². Эта версия, высказанная еще Борисом Годуновым в переписке с Сигизмундом III³, несмотря на существование альтернативных точек зрения⁴, остается общепринятой в отечественной науке⁵. В настоящей статье я не буду поднимать вопрос об истинной личности Самозванца и ставить под сомнение факт гибели царевича Дмитрия. Для исследуемой мною проблемы эти вопросы не имеют

принципиального значения, так как предметом моего интереса является не сама личность, а то, как она себя идентифицирует и репрезентирует в обществе, т.е. тот образ властителя (и, может быть, даже не один!), который самозванец стремился явить как внутри страны – подданным, так и за ее пределами – в международной политике.

Главной проблемой для правителей-самозванцев является, как известно, проблема легитимации своих претензий на власть. Как отмечают исследователи, российские самозванцы мотивировали их несколькими способами.

Во-первых, декларировали свою принадлежность к “Рюрикову колену” – единственной легитимной династии того времени, предъявляя “доказательства” кровного родства с предыдущими правителями⁶. В качестве подтверждения использовались биографические сведения из прошлого, якобы известные только “истинному потомку” царского рода⁷, а также особые “царские знаки” на теле⁸. Лжедмитрий I, например, демонстрировал “родимое пятно выше кисти”, золотой крестик, якобы подаренный ему матерью, рассылал в окружных грамотах 1604 и 1605 гг. подробную историю своего “чудесного спасения”⁹.

Во-вторых, они усердно старались дискредитировать существующего правителя или других кандидатов на трон. Так, Лжедмитрий I отрицал право на престол Бориса Годунова, объявляя его фактически преступником, покушавшимся на жизнь наследника престола¹⁰. Подобным же образом Лжедмитрий II представил узурпатором Василия Шуйского и как царь “истинный” велел казнить оказавшихся в его руках других лжецаревичей¹¹.

В-третьих, присваивая себе царские prerogatives и функции, свое “правление” они обычно начинали с демонстративных актов манифестации власти. Лжедмитрий II, например, заявил о переносе столицы в Тушино, где разбил лагерь, созвал собственную Боярскую Думу и назначил собственного патриарха¹².

Наконец, самозванцы старались вступить в брак с представительницами аристократических фамилий, родство с которыми подкрепило бы их собственную “знатность”. С этой целью Лжедмитрий I женился на дочери польского магната Юрия Мнишека Марии. Этот династический брак предназначен был также упрочить его связь с той частью польской знати, которая поддерживала его политические планы. После смерти Лжедмитрия I статусом Марины Мнишек как “московской царицы” воспользовался

для легитимации своих властных претензий Лжедмитрий II, тайно обвенчавшийся с нею 5 сентября 1608 г. Однако все это известные наблюдения историков, изучавших историю российского самозванчества.

Гораздо менее изученным представляется еще один способ легитимации претензий на власть, лишь в последние десятилетия попавший в поле зрения европейских ученых. Это создание родовой мемориальной традиции, *memoria*, свидетельствующей о древности и, следовательно, аристократизме рода, а значит, о его априорном предназначении властвовать. *Memoria* – это свойственная доиндустриальному европейскому обществу универсальная культура воспоминания, форма памяти об умерших или отсутствующих людях, которая, хотя и восходит к практике литургического поминовения, ею не исчерпывается, а проявляется в разных социальных действиях, и потому может рассматриваться как “тотальный социальный феномен”, который имеет правовые, хозяйственные, социальные стороны и выражается в разнообразных культурных формах¹³. Прежде всего к таким формам (а следовательно, к источникам для изучения *memoria*) следует отнести литературные тексты, живописные полотна, скульптурные, архитектурные и др. памятники. В них *memoria* как форма памяти о мертвых в узком смысле превращается в память культурную¹⁴, облекающую память о прошлом, о людях и их деяниях в материальные свидетельства, предназначенные сформировать и сохранить в веках традицию памяти и, соответственно, славы (*fama*) ее создателей. По этой причине особую роль *memoria* играет в жизни аристократических родов, ведь длинный ряд их поколений свидетельствует о длительной и постоянно возрастающей способности рода властвовать. Можно утверждать, что аристократию, как подчеркивает О.Г. Эксле, “формирует именно *memoria* – память об умерших предках, их славных деяниях – как представление и как практика. Стремление знатных родов иметь собственную *memoria* проявляется в том, как они создают и сохраняют ее в виде живой традиции в ритуалах, текстах, картинах и памятниках мемориального характера, и в том, как эта *memoria* в зависимости от исторического момента постоянно изменяет свое содержание”¹⁵.

Но *memoria* важна не только для непрерывного утверждения и манифестации уже имеющейся власти. Ее можно использовать и для того, чтобы стать знатным, т.е. заявить свои претензии на власть. Исследования О.Г. Эксле и ряда других ученых¹⁶ показа-

ли, как возвысившиеся за счет приобретенного богатства семейства начинают претендовать на то, чтобы считаться аристократическими, для чего целенаправленно приступают к формированию родовой *memoria*. Они не только стремятся создать памятники самим себе – ориентированную на будущие поколения, так называемую проспективную, *memoria*, но и тщательно упорядочивают прошлое – *memoria* ретроспективную, начинающуюся с создания родословной, поскольку воспоминание о реальных или считающихся реальными предках, давших начало роду, прежде всего конституирует сословное качество (“благородство”) знатной семьи, “аристократического дома” именно потому, что благородными становятся по рождению¹⁷. Или, словами Я. Ассмана, “власть нуждается в происхождении”¹⁸, так что *memoria* непосредственно легитимирует власть.

Из сказанного следует, что для самозванцев *memoria* должна была иметь, пожалуй, даже большее значение, чем для легитимных правителей-аристократов: им нужно было быть “как все”, а прошлого и, соответственно, *memoria*, не допускающей сомнений в их социальном “качестве”, у них не было. Поэтому они вынуждены методично заниматься ее созданием, присваивая себе чужое прошлое¹⁹. Прежде всего с помощью легенды о своем происхождении они включают себя в традицию *memoria* существующей династии²⁰. Приписывая себе ее прошлое, они присваивают и столь необходимые им “достоинства” правящего дома – длительность династии во времени, т.е. непрерывность и постоянство ее пребывания у власти, политическую и военную славу, которая сопровождает любое династическое правление и является славой не только рода, но и государства, богоизбранность (а значит – внеконкурентность) династии, ее сакральный характер. Другими словами, для того, чтобы встать в одном ряду с царственными предшественниками, самозванцы всеми доступными способами старались включить себя в уже существующую традицию власти²¹.

Таким образом, общеизвестное историкам событие – создание легенды – следует рассматривать как ретроспективную форму *memoria*. Об этой, направленной на прошлое, стороне *memoria* Лжедмитрия I исследователи писали довольно много. С помощью легенды и поверивших (или сделавших вид, что поверили) в нее сторонников Лжедмитрию удалось выдать себя за представителя династии Рюриковичей – младшего сына Ивана Грозного. Как в период борьбы за власть, так и после вступления на московский

престол он старался всячески подчеркнуть в глазах окружающих свою родственную связь с Иваном Грозным. Принятая им титулатура и государственная символика – все было призвано манифестировать его политическую и династическую идентичность с Юриковичами. Эта форма *memoria* зафиксирована в различных памятниках – в государственных печатях, свадебных медалях и монетах, созданных для Самозванца в Польше и в Москве.

Однако власть, как заметил Я. Ассман, “легитимируется ретроспективно и увековечивается проспективно”²². Об этой проспективной, т.е. направленной на будущее, стороне *memoria* Лжедмитрия исследователи писали меньше. С воцарением перед Самозванцем встала задача не только вписать себя в историю Московского государства, но и заявить о себе как о новом продолжателе этой истории. Он начинает последовательно добиваться данной цели. По свидетельству современника, Лжедмитрий “выбил монету в воспоминание нового государя и для всеобщего употребления”²³ – речь идет о монете с именем “Дмитрия Ивановича”, имевшей общероссийское хождение²⁴. За короткий период своего правления Самозванцу удалось создать собственный, отличный от предшествующих, образ московского правителя, оставив о себе память, нашедшую выражение в материальных памятниках. Эти артефакты – медали, монеты, печати, оружие и портрет – стали моими источниками. В специальной литературе сфрагистические и нумизматические памятники наряду с титулатурой и геральдикой исследованы довольно подробно²⁵, поэтому основное внимание будет уделено доспеху, штуцеру и портрету Лжедмитрия I.

Представленная работа – о создании Лжедмитрием I собственной *memoria*, направленной на увековечивание памяти о нем, и об использовании этой *memoria* для репрезентации своей власти. В статье поставлены следующие вопросы: каким образом манифестируется *memoria* Лжедмитрия? каково ее содержание и чем оно обусловлено? каковы особенности создаваемой Лжедмитрием *memoria*, когда она выполняет функцию репрезентации его власти?

* * *

Наиболее ранними материальными памятниками, составляющими *memoria* Лжедмитрия, следует признать печати, изготовленные для него в Кракове мастерами польского короля Сигизмунда III²⁶, потому их обычно называют польскими. Можно было бы ожидать, что они созданы в рамках московской традиции ре-

презентации власти, что соответствовало бы актуальной на тот период задаче “царевича Дмитрия” – обосновать свою тождественность с сыном Ивана Грозного и свое право на престол “предков”. Однако это не совсем так. Так называемая прикладная печать Лжедмитрия, появление которой датируется 1604 г.²⁷, не имеет ничего общего с русской геральдикой. Изображение двуглавого орла на ней формой крыльев идентично государственному символу Империи Габсбургов²⁸ при том, что головы его увенчаны тремя коронами – первый случай в истории Московского государства, а изображение всадника напоминает Георгия Победоносца и развернуто в геральдически правую сторону – по европейской традиции²⁹. Вторая польская печать, изготовленная позже предыдущей, – личная печать³⁰ Самозванца – имеет схожее изображение двуглавого орла, хотя всадник при этом уже исправлен в соответствии с русской традицией и развернут в геральдически левую сторону³¹. Считается, что эта печать – прямой аналог личной печати Ивана Грозного³², и потому ее создание можно рассматривать как декларацию преемственности власти Лжедмитрия от его “отца” – ретроспективную *memoria* Самозванца, указывающую на принадлежность к роду Рюриковичей. Хотя польские печати были призваны манифестировать и легитимировать право Лжедмитрия на русский трон, их исполнение представляло Самозванца в рамках европейской, а не московской традиции репрезентации власти³³. Заключение в них информация предназначалась европейцам: этими печатями скреплялись документы, адресованные Яну Замойскому, папе Клименту VIII и Юрию Мнишеку³⁴. Очевидно, для Лжедмитрия в его попытке овладеть московским престолом было важно найти союзников в Европе, и для достижения этой цели он воспользовался соответствующим “сфрагистическим языком”.

На “европейский” характер печатей повлияло и то, что их выполнили в мастерских польского короля, покровительствовавшего Лжедмитрию и способствовавшего его восхождению к власти. Сигизмунду III важно было подчеркнуть собственное участие в судьбе Лжедмитрия перед остальными монархами Европы, заявить о своем могуществе и политическом влиянии. На это указывает титулатура Лжедмитрия, сделанная на прикладной печати и соответствовавшая представлениям польских королей о политическом статусе русских правителей. Она являет собой усеченный вариант (“Божью милостию царевич Московский Дмитр Иванович”) полного титула, принятого Лжедмитрием

в Польше (“Мы, Дмитрий Иванович ... царевич великой Руси, Углетцкий, Дмитровский и иных, князь от колена предков своих и всех государств Московских государь и дедич”). В полном титуле присутствует элемент, характерный для польской традиции, – ссылка на наследственное обретение трона (“дедич”), не употреблявшаяся российскими государями, но известная в Речи Посполитой до эпохи Ваз³⁵. Тот же титул, что и на прикладной печати несла на себе медаль с изображением Лжедмитрия, изготовленная в Кракове³⁶. Она была отчеканена по приказу Сигизмунда III и предназначалась для раздачи гостям, присутствовавшим на его свадьбе с Констанцией Австрийской. Эта свадьба совпала во времени с бракосочетанием Лжедмитрия и Марины Мнишек при посредничестве посла, для чего в Краков прибыло русское посольство. Раздача медалей представляла Сигизмунда III в роли покровителя брака московского царя с подданной польской короны и демонстрировала гостям степень его влияния на московский трон.

Лжедмитрий, очевидно, понимал, что и польские печати, и медаль не скрывали его политической и финансовой зависимости от Сигизмунда III. Поэтому после восшествия на престол он приказал изготовить две другие печати. Обе они – “малая”³⁷ и “средняя”³⁸ – сделаны в Москве с учетом русской сфрагистической традиции. Данным шагом Лжедмитрий декларировал независимость своей власти от Сигизмунда III в глазах как московского, так и польского окружения. Аналогичной “декларацией независимости” можно считать и отчеканенную в Москве по заказу Лжедмитрия свадебную медаль³⁹, предназначенную для раздачи гостям на свадьбе Самозванца и Марины в Кремле. Московская медаль отличается от польской, сделанной по приказу Сигизмунда III, не только изображением орла, которое здесь соответствует русской эмблематике. Если на польской медали образ Лжедмитрия носит вполне европейский характер – он изображен с непокрытой головой, одетым в европейский костюм и без характерных символов власти – скипетра и державы, то здесь Самозванец запечатлен в традиционном “большом царском наряде” русских царей⁴⁰.

Но главным шагом, направленным на демонстрацию суверенности своей власти, стало принятие Лжедмитрием после восшествия на престол 31 июля 1605 г. титула императора⁴¹. Этот титул (в русско-латинской легенде – “цесарь”/“*imperator*”) также был отчеканен на “московской” свадебной медали Самозванца. На ней же была характерная деталь, подчеркивавшая его политические претензии, – корона, схожая формой с коронами импе-

раторов Священной Римской империи. Ее присутствие на медали соответствует историческим реалиям: Лжедмитрий венчался не одним, а двумя венцами, причем традиционной “шапке Мономаха” он предпочел “императорскую корону”, изготовленную пражскими ювелирами еще при Борисе Годунове по образцу короны императоров Священной Римской империи⁴².

Принятие титула императора является самостоятельным политическим шагом Лжедмитрия – он поступает вопреки воле польского короля (отказывавшего московским суверенам в праве даже на царский титул, именуя их “великими князьями”⁴³), и принятому на “отчем троне” обычаю⁴⁴. В этом аспекте особенности манифестации власти Лжедмитрия в материальных памятниках московского периода могут трактоваться как политическая демонстрация его готовности пересмотреть свои взаимоотношения с польской короной. На это указывает наградная золотая монета, отчеканенная по приказу Лжедмитрия⁴⁵, – точная копия монеты, изготовленной при Иване Грозном. В ее легенде фигурирует Полоцк – город, отвоеванный Иваном Грозным у Речи Посполитой, но ко времени правления Лжедмитрия уже возвращенный в ее состав, – ничто иное как вызов Сигизмунду III. Таким образом, “польские” и “московские” памятники соответствуют двум этапам политической карьеры Самозванца. Их мемориальный характер способствовал легитимации его претензий на русский престол и был своего рода заявкой на суверенность его власти. Европейская эмблематика на них свидетельствует еще об одной политической задаче – утвердиться в кругу западных правителей и поднять престиж Московского государства. Впрочем, данные задачи вполне соотносились с реальным политическим положением: отказавшись от роли “польского ставленника”, Самозванец был вынужден самостоятельно искать свое место в европейской политике. О том, как он его себе представлял, в определенной мере можно судить по специфической трактовке Лжедмитрием идеи “большой” печати Ивана Грозного.

“Большая” государственная печать (ил. 1–4)⁴⁶ предназначалась для скрепления важнейших дипломатических документов правового характера, например, мирных и торговых договоров. Но Лжедмитрий пользовался ею в частной переписке с Юрием Мнишеком⁴⁷ по поводу свадьбы с его дочерью Мариной. Формально переписка московского царя с подданным польской короны, статус которого был существенно ниже царского достоинства Лжедмитрия, не заслуживала скрепления такой “высокой”

Ил. 1. Лицевая сторона Большой государственной печати Ивана Грозного.
Прорисовка А.Б. Лакиера. 1853

Ил. 2. Обратная сторона Большой государственной печати Ивана Грозного.
Прорисовка А.Б. Лакиера. 1853

Ил. 3. Оттиск Большой государственной печати, 1578 г.
Национальный Архив Дании (Rigsarkivet), Копенгаген

Ил. 4. Оттиск Большой государственной печати, 1583 г.
Национальный Архив Швеции (Riksarkivet), Стокгольм.
Фотограф Emre Olgun

Ил. 5. Части доспеха Лжедмитрия. ВИМАИВиВС, Санкт-Петербург.
№ 0137/369. Фотограф Сергей Рымша

печатью. Самозванец пренебрег этим принятым в канцелярии русских царей правилом, очевидно, потому, что брак с Мариной и родство с ее семьей представлялись ему событиями принципиальной важности. При этом у Лжедмитрия не было своей “большой” печати – он пользовался той, которая досталась ему от Ивана Грозного⁴⁸. Тем не менее, его собственное видение “большой” государственной печати все же нашло отражение в

одном из дошедших до нас памятников – на доспехе Лжедмитрия (ил. 5).

Доспех находится в собраниях двух музеев: части, состоящие из двух оплечий, двух наручей и двух набедренников, хранятся в собрании ВИМАИВиВС (Артиллерийский Музей)⁴⁹ в Санкт-Петербурге⁵⁰; кираса (спинная и нагрудная части) – в музее Института Искусств в Чикаго⁵¹. Изображения “большой” печати помещены на оплечьях доспеха: по два на каждом. Они представляют собой круглые эмблемы с двуглавым орлом, увенчанным открытой короной с пятью концами и крестом. На груди орла – щиток со всадником, развернутым в геральдически левую сторону. Орел окружен 13 круглыми эмблемами меньшего диаметра. В верхнем из них изображен Степенной Голгофский крест⁵², в остальных 12-ти – гербы земель, упоминаемых в царском титуле: Новгородский, Казанский, Астраханский, Псковский, Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский, Нижегородский и Черниговский” (ил. 6–9). Е.А. Кеммерер, опираясь на труд А.Б. Лакиера⁵³, определил, что геральдические рисунки на доспехе взяты с лицевой стороны “большой” печати Ивана Грозного. Он же, изучив особенности печати, заключил, что владельцем доспеха был Лжедмитрий I⁵⁴.

Соотнесенность “чикагской” кирасы (ил. 10–12) с частями, хранящимися в Санкт-Петербурге, установил в 1986 г. Л.И. Тарасюк⁵⁵. Он же выдвинул гипотезу о происхождении доспеха, изготовленного, по его мнению, по заказу польской знати или польского короля в качестве подарка для Самозванца. По версии Л.И. Тарасюка, доспех был закончен уже после смерти Лжедмитрия, и по этой причине остался в Польше, где хранился в Несвижском замке магнатов Радзивиллов, а затем исчез оттуда в результате разграбления польских замков после восстания 1863 г.⁵⁶ Гипотеза Л.И. Тарасюка нуждается в уточнении. Если доспех до 1863 г. действительно находился в арсенале Радзивиллов, это вовсе не доказывает, что он никогда не был в Москве. Он вполне мог быть вывезен оттуда после смерти Лжедмитрия или окончания Смуты и продан Радзивиллам. Вероятность дара Самозванцу со стороны Радзивиллов сомнительна. Они враждовали с Сигизмундом III, и у них не было причин поддерживать ставленника польского короля. В том случае, если доспех был заказан самим Сигизмундом III и не попал к Лжедмитрию, он, скорее всего, остался бы в Вавеле, королевской резиденции. Другими словами, нет серьезных оснований полагать, что доспех был подарком

Ил. 6. Доспех Лжедмитрия.
Фрагмент оплечья.
ВИМАИВиВС,
Санкт-Петербург. № 0137/369.
Фотограф Сергей Рымша

Ил. 7. Доспех Лжедмитрия.
Фрагмент налокотника.
ВИМАИВиВС,
Санкт-Петербург. № 0137/369.
Фотограф Сергей Рымша

Ил. 8. Доспех Лжедмитрия.
Фрагмент оплечья.
ВИМАИВиВС,
Санкт-Петербург. № 0137/369.
Фотограф Сергей Рымша

Ил. 9. Доспех Лжедмитрия. Фрагмент оплечья. ВИМАИВиВС, Санкт-Петербург.
№ 0137/369. Фотограф Сергей Рымша

Ил. 10. Доспех Лжедмитрия.
Нагрудник кирасы.
Музей Искусства, Чикаго.
№ 1982.2430а-в.
Фотограф Сергей Рымша

Ил. 11. Доспех Лжедмитрия.
Наспинник кирасы.
Музей Искусства, Чикаго.
№ 1982.2430а-в.
Фотограф Сергей Рымша

Лжедмитрию. На мой взгляд, Самозванец сам являлся заказчиком доспеха. На это указывают выбор печати, особенности передачи ее в качестве геральдического рисунка на доспехе и своеобразие заключенной в ней политической “программы”.

Почему для изображения на доспехе была выбрана именно эта печать? Полагаю, потому что она была уже хорошо известна в Европе и связана с именем Ивана Грозного и его внешнеполитическим курсом. Дата создания “большой” печати соотносится с Ливонской войной, которую вел Иван IV за прибалтийские земли. Успехи, одержанные в 1577–1578 гг., были побудительным мотивом для создания этой печати. В ее эмблемах нашли отражение как подлинные завоевания, так и оптимистические ожидания Ивана IV, на фоне военных побед казавшиеся вполне реалистическими. Речь идет о Риге и Ревеле, которые никогда не были завоеваны Иваном Грозным, но их эмблемы изображены вместе с другими вокруг двуглавого орла⁵⁷ (ил. 2). Для Лжедмитрия “большая” печать Ивана Грозного могла символизировать преемственность завоевательного внешнеполитического курса “отца”. Известно, что Самозванец планировал присоединение к Московии Крымского ханства и даже готовил поход на него. От периода подготовки Лжедмитрия к этой военной кампании сохранилась изготовленная по его приказу мортира. На ней сделана надпись: “БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ ПОВЕЛЕНИЕМ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦА, В ПЕРВОЕ ЛЕТА ГОСУДАРСТВА ЕГО ЗДЕЛАНА БЫСТЬ СΙΑ ПУШКА В ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ МОСКВЕ В ЛЕТА 7114 СЕНТЯБРЯ В 26 ДЕНЬ МАСТЕР ОНДРЕЙ ЧОХОВ”⁵⁸. Начать военные действия предполагалось весной–летом 1606 г., но поход не состоялся, потому что Лжедмитрий был убит в ходе восстания в мае 1606 г. Присоединение Крымского ханства к Московии завершило бы дело, начатое Иваном Грозным. К отношениям же со Швецией Лжедмитрий подходил с осторожностью⁵⁹. Не случайно на доспехе использована только одна, лицевая, сторона печати, где нет изображений эмблем не принадлежащих московскому царю Риги и Ревеля.

Смысл, заключенный в печати, соответствовал также политическим претензиям Лжедмитрия на титул императора. Г. Штёкль указывал, что формальный принцип расположения отдельных изображений вокруг центрального предмета русским был известен из икон, но подобного сфрагистического преце-

дента не существовало. При этом он не сомневался, что создание государственной печати, представляющей собой сочетание общегосударственной эмблемы и территориальных “печатей”, не являющихся реальными печатями и тем более гербами, не выглядит случайностью: композиция в целом символизирует единство земель, объединенных под эгидой московского государя⁶⁰. Эта идея была актуальна для Лжедмитрия. Присоединение к Московии Казанского и Астраханского царств было дополнено при Борисе Годунове завоеванием Сибирского царства. Поэтому присоединение Крымского ханства позволило бы объединить под властью московского суверена всех “татар”, включив в состав подвластных ему земель другое государство, что дало бы реальные основания для заявленной Лжедмитрием претензии на статус императора⁶¹. Эти политические ожидания – стать объединителем земель – нашли отражение в титуле, употреблявшемся во внешнеполитической переписке, в котором Лжедмитрий называл себя “цесарем ... всех Татарских царств”⁶². Имперские амбиции Лжедмитрия шли, кстати сказать, в характерном для современной ему Европы направлении – как раз на это время приходится воскрешение в политической и идеологической жизни Европы имперской идеи⁶³.

“Большая” печать Ивана Грозного была сделана по европейскому образцу. Похожая по композиции на государственные печати европейских стран той эпохи, на которых в гербовых щитах изображались эмблемы земель, русская печать вставала в ряд обычных для Западной Европы атрибутов королевской и императорской власти⁶⁴. В свете интереса к иерархии европейских государств, который был характерен уже для Ивана Грозного, создание такой печати выглядит закономерным – она включала московских государей в европейскую традицию репрезентации королевской власти. Такая печать лучше остальных подходила для манифестации власти Лжедмитрия на европейской арене и при этом сближала его с предшествующей московской традицией.

Из всего сказанного выше следует, что Лжедмитрий I, формируя собственный образ московского правителя, выбрал для декора доспеха “большую” печать Ивана Грозного сознательно. Доспех Лжедмитрия с изображениями печати является не только формой репрезентации его власти в *memoria*, но и, что встречается реже, формой рефлексии о власти. На это указывают отличия, очевидные при сопоставлении рисунка печати на доспехе с печатью

Ил. 12. Доспех Лжедмитрия. Фрагмент нагрудника кирасы. Музей Искусства, Чикаго. № 1982.2430a-b. Фотограф Сергей Рымша

Ивана Грозного, судить о которой можно по сохранившимся оттискам (ил. 3, 4)⁶⁵ и прорисовке А.Б. Лакиера (ил. 1)⁶⁶.

Так, в изображениях печати на доспехе отсутствуют кириллические надписи – нанесенные вокруг территориальных эмблем названия земель, входящих в состав Московского государства, а также титулатура московского правителя, составляющие легенду оригинальной печати⁶⁷ (ил. 8, 9). Геральдические фигуры, входящие в состав территориальных эмблем печати на доспехе, авторски стилизованы. Некоторые из них переданы на доспехе совершенно иначе, нежели на оттисках и прорисовке. Эта особенность впервые была отмечена Э. Ленцем, объяснявшим ее иностранным происхождением мастера, которому он приписывал незнание русской геральдики⁶⁸. На эмблемах печати на доспехе изменен и наклон некоторых фигур⁶⁹ (ср. ил. 1 и 8, 9). Кроме того, на всех территориальных эмблемах на доспехе присутствует условное изображение земли в виде четко прочерченного основания, на которое опираются геральдические фигуры и которого нет на оттисках и прорисовке “большой” печати (ил. 1). Все перечисленные решения соотносятся с европейской геральдической традицией.

Ил. 13. Доспех Лжедмитрия. Фрагмент оплечья. ВИМАИВиВС, Санкт-Петербург. № 0137/369. Фотограф Сергей Рымша

Изображение двуглавого орла, многократно воспроизведенное на доспехе (ил. 6, 7, 10–12), также специфично. Его крылья не сложены плотно и направлены вниз, как на оттисках и прорисовке печати, а несколько разведены в стороны. Кроме того, на крыльях изображены симметричные завитки (ил. 13) – элемент, присущий изображению орла не византийского⁷⁰, а габсбургского типа. Схожая ситуация наблюдается и с изображением хвоста у орла: в отличие от оригинальной печати перья орлиного хвоста на доспехе широко расправлены в стороны. Расположенный на груди орла щиток с изображением всадника тоже имеет несколько иную форму, чем на оттисках и прорисовке. Нельзя сказать, что это изображение двуглава коренным образом отличается от

принятых при начертании герба России в то время. Тем не менее, оно не тождественно рисунку на оттисках и прорисовке “большой” печати. Схожее изображение двуглавого орла (с геральдически правым, “европейским” разворотом всадника) встречается на итальянском шлеме, подаренном Федору Борисовичу Годунову Сигизмундом III⁷¹.

Наконец, крест, изображенный на короне, венчающей головы орла на доспехе, – иной формы, чем на оттисках и прорисовке печати (ср. ил. 1 и 8, 9). Вместо православного восьмиконечного креста изображен четырехконечный. Такой крест нанесен на упомянутом выше шлеме. Использование четырехконечного креста не было ошибкой иностранца, мало разбиравшегося в русской эмблематике, потому что Степенной Голгофский крест в 13-й круглой эмблеме нарисован правильно.

Высокое качество декоративного оформления доспеха не позволяет списать перечисленные выше особенности геральдического рисунка на нем на небрежность украшавшего доспех мастера. Отличия от изображения оригинальной печати Ивана Грозного точно повторяются на всех четырех печатях на оплечьях, и их характер свидетельствует о сознательном изменении печати на доспехе. Учитывая, что в западноевропейской традиции практика изготовления предварительных эскизов и чертежей к доспехам была общепринятой⁷², думаю, мастеру-декоратору был предоставлен не оттиск печати Ивана Грозного, а эскиз, предназначенный специально для этого доспеха. Он был сделан художником, которым в то время в России мог быть либо резчик печатей, либо ювелир или медальер (при дворе Лжедмитрия это были иностранцы⁷³). При создании эскизов для доспехов всегда учитывалось мнение заказчика. В высшей степени оно было важным при включении в декор доспехов геральдических эмблем. Обращение к государственной символике, как на доспехе Лжедмитрия, тем более не могло быть оставленным на усмотрение художника без контроля со стороны заказчика. Поэтому можно утверждать, что изображение печати Ивана Грозного на доспехе Лжедмитрия было переделано в соответствии с геральдическими канонами Западной Европы если не по прямому указанию Самозванца, то, по меньшей мере, с его согласия.

Использование государственной печати в декоре является уникальным случаем в истории западноевропейских доспехов. Аналогичного декоративного решения на других памятниках мне не встречалось. К своеобразию оформления доспеха следует от-

нести размещение печати на оплечьях, а не на кирасе, где чаще всего располагались геральдические знаки. Очевидно, доспех заказал человек, знакомый с европейской культурой создания рыцарского вооружения, но переосмысливший ее по-своему. На эту роль вполне подходит русский по происхождению и воспитанию Григорий Отрепьев, проникшийся рыцарской культурой в период своего пребывания в Польше и общения с польской шляхтой, в первую очередь с Адамом Вишневецким, которому Самозванец был обязан появлением на исторической арене⁷⁴, а также с Мнишеками. В связи с этим возникает искушение отнести появление доспеха к периоду пребывания Лжедмитрия в Польше. Но в тот период Самозванец репрезентировал себя как “царевича”, а не как “царя”, доказательство чему – соответствующие титул и печать, которые он тогда использовал⁷⁵. Скорее всего доспех был заказан Лжедмитрием в Москве, после венчания на царство. Именно тогда Самозванец, сознательно выстраивавший свою *memoria*, мог задумать этот доспех. В Западной Европе приобретение доспехов часто приурочивали к важным событиям, будь то коронация, свадьба или военная победа, память о которых надлежало хранить веками. Среди примеров такого рода – доспех Генриха VIII, сделанный к его бракосочетанию с Екатериной Арагонской⁷⁶, и доспех Фердинанда II, изготовленный к его свадьбе с Марией Анной Баварской⁷⁷. Европейские правители дарили друг другу доспехи в знак признания. Известен доспех, подаренный Максимилианом I Генриху VIII⁷⁸. В 1584 г. царю Федору Ивановичу послом Львом Сапегой от польского короля Стефана Батория был преподнесен доспех для всадника и коня работы Кунца Лохнера⁷⁹. Как символ одержанных побед, власти и могущества доспехи были предметом гордости и передавались из поколения в поколение, наряду с портретами, скульптурными изображениями, родословными и другими свидетельствами длинной традиции памяти (*memoria*) и славы (*fama*) аристократических домов. Речь Посполитая не была исключением из этой практики – до нас дошли доспехи Стефана Батория⁸⁰ и литовского князя Николая IV Радзивилла⁸¹.

Таким образом, “большая” печать Ивана Грозного в декоре доспеха является в некотором роде политическим манифестом Лжедмитрия. Выбор в пользу изображения именно этой печати указывает на ретроспективный характер *memoria*, манифестирующий в доспехе, – принадлежность Лжедмитрия к династии основателей русской государственности Рюриковичей и сопри-

частность к завоевательной политике Ивана Грозного. С другой стороны, изменение печати на доспехе отражает перспективную, направленную на будущее, *memoria* Самозванца – демонстрацию его политических амбиций и стремление войти в круг европейских правителей. Нанесение изображения “большой” печати Ивана Грозного на западноевропейский доспех – обязательный атрибут европейского правителя-“рыцаря” – является беспрецедентной для предшествующей Лжедмитрию традиции формой репрезентации власти московских царей. Чтобы убедиться в этом, обратимся к вопросу о месте доспехов среди боевых регалий правителей Московии.

Памятников, относящихся к оружию и доспехам русских царей, мало. Практически все они находятся в собрании Оружейной палаты Московского Кремля. Большинство их по происхождению – посольские подарки преимущественно восточного (арабского, иранского, турецкого) производства⁸². Редкие предметы относятся к изделиям московских и западноевропейских мастеров. Доспехи из Европы попадали к русскому двору исключительно в качестве подношений от зарубежных монархов. И хотя интерес к европейской культуре проявляли уже Иван III и Иван Грозный⁸³, можно утверждать, что ни они, ни их преемники не приобрели привычку использовать западноевропейские доспехи. Русский двор перед началом Смуты был далек от культуры рыцарства. Кроме доспеха Лжедмитрия I, наиболее ранний сохранившийся доспех (при этом – неевропейский)⁸⁴ принадлежит Михаилу Федоровичу Романову⁸⁵. Представляется, что доспехи как форма *memoria* царского дома, целью которой являлось создание и сохранение традиции памяти Рюриковичей, не играли важной роли в символической системе репрезентации власти московских царей, правивших до Романовых⁸⁶.

Тем не менее, какие-то зачатки культуры использования защитного вооружения для репрезентации царской власти в Московии все же были. Представление о них можно составить по двум шлемам. Первый из них – шлем Ивана Грозного, хранящийся в Оружейной палате Стокгольма⁸⁷. Он мало изучен, и пока неясно, где и какими мастерами он был изготовлен. Скульптурная форма и декоративное оформление шлема, особенно наличие восточной надписи⁸⁸ (или ее имитации⁸⁹) на верхнем орнаментальном поясе, указывают на его восточное происхождение. На нижнем орнаментальном поясе этого шлема – надпись на старорусском языке: “ШЕЛОМ КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

СЫНА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ГОСПОДАРЯ ВСЕЯ РУСИ САМОДЕРЖЦА”⁹⁰. Надпись подчеркивает венценосное происхождение Ивана Грозного и, тем самым, его наследственное право на власть в Московии. Шлем появился до принятия Иваном Грозным титула царя в 1547 г., так как в надписи он назван “великим князем”. Несколько похожих шлемов с надписями на восточных языках известны в казне московских царей в числе дипломатических подарков⁹¹. Один из них – турецкий шишак XVI в.⁹² – интересен своими кораническими надписями⁹³. Судя по ним, шлем предназначался воину-мусульманину. Возможно, русские цари не придавали значения этим надписям, рассматривая их как декоративный элемент.

Второй шлем – детский. Он сделан в 1557 г. по повелению Ивана IV для его четырехлетнего сына Ивана (1554–1581), о чем говорит расположенная на шлеме церковно-славянская надпись⁹⁴. О практике изготовления детских и миниатюрных доспехов историкам известно много. Европейская традиция дает в этом отношении богатый источниками материал⁹⁵. От московских царей сохранилось всего три защитных комплекта такого рода, и все они относятся к периоду правления Алексея Михайловича Романова⁹⁶. Шлем царевича Ивана тоже можно считать заимствованием европейской практики создания доспехов для детей из знатных фамилий. Надпись на нем, как и в случае с шлемом Ивана IV, манифестирует прирожденное предназначение Рюриковичей властвовать – идею, имевшую принципиальное значение для Ивана Грозного – первого русского правителя, принявшего титул царя, и основавшего тем самым традицию царской власти в Московском государстве.

Любопытно отметить, что шлемы Ивана Грозного и его сына носят исключительно репрезентативный характер. Это подтверждается их старомодной, устаревшей конструкцией, соотносимой с архаичностью всего комплекта государственных боевых регалий: в XVI–XVII вв. в его состав входили предметы уже не использовавшиеся русскими воинами, в то же время в нем отсутствовали меч и щит⁹⁷. Судя по надписям на шлемах, к ним не предусматривались никакие другие части вооружения, что также подчеркивает их символическую, а не утилитарную функцию. В отличие от русских царей, европейские правители приобретали доспехи, соответствующие техническим и эстетическим требованиям их времени, потому что применяли их для военных, а не только репрезентативных целей. Показательно, что последним

русским правителем, принимавшим непосредственное участие в сражении, был Великий князь Василий II Тёмный. Последующие государи осуществляли только номинальное руководство боевыми действиями, возлагая реальное командование на воевод⁹⁸. Можно утверждать, что упомянутые шлемы времени Ивана Грозного отражают традиционную для русских князей, но уже утраченную московскими царями военную функцию, и демонстрируют формальный статус правителя как полководца⁹⁹.

Восточный характер шлемов внешне сближает московских государей с астраханскими, казанскими, сибирскими и крымскими ханами (“царями”), что объясняется тесными контактами Московии при Иване III, Василии III и Иване IV с Оттоманской Портой и подвластным ей Крымским ханством. Видимо, для московских правителей, полагавших себя преемниками византийских императоров¹⁰⁰, Османская империя, как фактическая наследница Византийской империи¹⁰¹, представляла авторитетный образец репрезентации власти. Московские цари переняли этот восточный образец, по меньшей мере¹⁰², в доспехах, и следовали ему во внешних формах.

Пришедший к власти Лжедмитрий переосмысливает предыдущую традицию, обращаясь к образу западноевропейского правителя-“рыцаря”¹⁰³. Его комплект защитного вооружения предполагает (помимо сохранившихся частей) ожерелье, перчатки, шлем, возможно, не один, и крюк для копья, на что указывают отверстия на кирасе. Копейный крюк, учитывая, что в начале XVII в. копья уже выходили из употребления на войне, намекает на использование доспеха в турнирном поединке, предусматривавшем и защитную броню для лошади. Собственных доспехов (ни боевых, ни турнирных) – обязательного атрибута европейских королей и императоров – у московских царей до Лжедмитрия не было¹⁰⁴. Не проводили они и турниров, характерных еще в то время для европейской аристократии¹⁰⁵. Поэтому приобретение Самозванцем рыцарских лат можно рассматривать как его заявку на принадлежность к европейской политической элите и ее культуре¹⁰⁶. Показательно, что его доспех – не просто западноевропейской работы, а сделан по последней моде того времени в Милане, чьи оружейные мастерские обслуживали влиятельнейших аристократов Европы¹⁰⁷. При этом Лжедмитрий порывает и с традиционным внешним обликом московских царей, предпочитая европейское платье – одежду польских гусар¹⁰⁸. Он регулярно устраивает учебные бои и военные маневры, в которых

Ил. 14. Портрет Лжедмитрия I. Начало XVII в. ГИМ, Москва

лично принимает участие¹⁰⁹. Все это свидетельствует о претензиях Самозванца и выглядеть внешне, и считаться “своим” среди европейских монархов. На намерение Лжедмитрия остаться таким и в традиции памяти о себе указывает охотничий штуцер¹¹⁰, изготовленный немецким мастером и украшенный изображениями диких животных. Охота с таким оружием была развлечением европейских королей и императоров, а не московских царей. На стволе штуцера сделана надпись: “Dometrius Imperator”¹¹¹ – еще одно свидетельство, наряду с монетами, печатями, медалями и доспехом, в котором отразились политические притязания Самозванца на европейскую идентичность московского царя.

Характерные черты образа царя-европейца нашли отражение и в другой истинно европейской форме *memoria* знатных родов –

в светском портрете Лжедмитрия (ил. 14). Русское искусство в то время еще не знало этого жанра, известного в Западной Европе уже в конце XV в. Его главной задачей была передача визуального сходства, индивидуальности и социального значения портретируемого. Первые портретные изображения появляются в Московии лишь в начале XVII в. и к ним относят так называемые парсуны, которые по стилю, приемам и материалам живописи первоначально ничем не отличались от икон. Сохранились надгробные, мемориальные парсуны Скопина-Шуйского, Ивана Грозного и Федора Иоанновича. Прижизненные облики русских царей, в частности Ивана Грозного, известны в клейме иконы Богоматери Тихвинской из Благовещенского собора, на четырехчастной иконе Благовещенского собора в клейме “Приидите люди Трипостасному Божеству поклонимся”, предположительно, в композиции “Великий Вход” росписи алтаря Успенского собора в Свияжске¹¹². Другими словами, существующие образы русских царей относятся не к светской¹¹³, а к религиозной традиции¹¹⁴. Поэтому можно утверждать, что дошедший до нас парадный портрет Лжедмитрия в рыцарских латах начала XVII в. являлся совершенно нехарактерной для Московии формой репрезентации царской власти.

На полотне Лжедмитрий облачен в декорированный полудо-спех, включающий в себя кирасу, оплечья и наручи, и опоясан мечом, рукоять которого украшена золотом и драгоценными камнями. На столе рядом с Лжедмитрием находятся закрытый шлем с плюмажем и императорская корона. За спиной Самозванца, который стоит как бы в дворцовых покоях, открывается панорама местности с замком и городом, под стенами которого изображена батальная сцена и различимы войска под знаменами с московским двуглавым орлом. Смысл композиции картины очевиден: Лжедмитрий обращен спиной к своему прошлому, в котором остались борьба за власть и титул Московского царя, начатая им, как известно, в Польше, в Вишневецком замке при поддержке Вишневецких и Мнишеков, и поход на Москву в 1604–1605 гг., в котором Лжедмитрий в роли полководца возглавлял польско-казацкое войско. Итог военно-политических маневров Лжедмитрия, т.е. желанное обретение им Московского трона, символически обозначен короной и шлемом, изображения которых расположены на одном уровне с фигурой Лжедмитрия. То, что перед нами – русский царь, ясно из художественных деталей, таких как картуш с московским гербом, надпись и корона. При этом герб с двуглавым

орлом нарисован согласно европейской традиции: орел – габсбургского типа, а всадник на щитке развернут в геральдически правую сторону. Тот же вариант герба встречается на прикладной печати¹¹⁵ Лжедмитрия I, изготовленной в Кракове. Сделанная на портрете надпись на латыни – “Demetrius IMPERATOR Moschoviae, Ejus vxor Marianna MNISZCHOWNA Georgii Palatini Sandomiriensis ex Tarlowna Progenita Filia”¹¹⁶ – также присуща европейской, а не русской традиции. Схожая латинская надпись (“Demetrius Ioanis D(ei) G(ratia) imperator Russiae. Anno aetatis suae 24”¹¹⁷) встречается на медали, изготовленной в Москве по случаю свадьбы Лжедмитрия¹¹⁸. Портрет Лжедмитрия повествует об истории пути первого Самозванца к власти, в нем манифестируется триумф человека, ставшего московским царем, что позволяет датировать картину временем после венчания Самозванца на царство в 1605 г.

Memoria, нашедшая отражение в портрете Лжедмитрия, не просто лежит в русле европейской традиции – в ней вообще нет ничего специфически “московского”. Даже то “русское”, отражающее национальную идентичность правителя, – атрибуты государственной власти (герб, корона, титул) – передано на портрете на европейский манер. Это вносит “сумятицу” в традиционный образ московского царя, но в то же время делает образ Лжедмитрия-правителя узнаваемым для европейцев. Характер портрета указывает, что в роли его заказчика скорее всего выступил польский покровитель Лжедмитрия I А. Вишневецкий, в замке которого это полотно находилось с XVII в.¹¹⁹ в числе других портретов представителей этого знатного рода. У польского магната были личные мотивы заказать портрет Лжедмитрия, как и портрет Марины Мнишек¹²⁰, а также ряд картин, посвященных событиям, которые сейчас принято относить к Смутному времени¹²¹. Хотя Лжедмитрий пробыл у власти недолго и погиб бесславно, для А. Вишневецкого он был персоной, взошедшей на московский престол как сын Ивана Грозного и представитель династии Рюриковичей. Сам А. Вишневецкий находился в дальнем родстве с Иваном Грозным: его родственник Дмитрий Иванович Байда¹²² приходился Ивану Грозному троюродным дядей. “Московская царица” и супруга Лжедмитрия Марина Мнишек тоже была с А. Вишневецким в родстве: ее сестра Урсула была женой троюродного брата А. Вишневецкого – князя Константина Вишневецкого¹²³ (покровительствовавшего Лжедмитрию I), а отец сестер – Юрий Мнишек приходился К. Вишневецкому

тестем. Поэтому приобретением портретов Лжедмитрия и Марины А. Вишневецкий мог демонстрировать собственную социальную идентичность – родство с коронованными особами, дом которых для него ценен сам по себе, и принадлежность к которому – весомый вклад в его собственную *memoria* и *fama*¹²⁴. Традиция создания таких мемориальных изображений, демонстрирующих благородство и могущество рода, его родственников и социальных связей, была широко распространена в Европе среди представителей знатных фамилий или тех, кто еще только претендовал на благородный титул¹²⁵. Так, на семейных портретах со времен Реформации изображали хозяина с умершими предками, близкими друзьями и известными личностями¹²⁶. Тот же характер носят скульптурные изображения предков Максимилиана I в его домово́й церкви в Инсбруке, находящиеся там же бронзовые фигуры святых и бюсты римских императоров, которые, по замыслу Максимилиана I, должны были окружать его надгробие¹²⁷. Другими словами, за созданием портрета Лжедмитрия стоит *memoria* самого А. Вишневецкого и его усилия по “приращению благородства” (О.Г. Эксле) своего рода и обогащению традиции памяти о нем. Благодаря этому Лжедмитрий оказался включен не только в европейскую традицию репрезентации власти, но и в традицию памяти европейского аристократического рода.

* * *

Итак, если объединить сохранившиеся от времени Лжедмитрия I материальные памятники в единый комплекс целенаправленно созданной традиции, *memoria*, которая служила Самозванцу для политической репрезентации себя в качестве сына Ивана Грозного и “законного” московского царя, можно прийти к следующим выводам. Можно, во-первых, утверждать, что печати, медали, монеты, оружие и портрет Лжедмитрия вместе с письменными источниками (политическими обращениями, дипломатической перепиской) свидетельствуют о специфическом понимании им царской власти и своего места в борьбе за московский престол. Во-вторых, датировка и символическое содержание мемориальной традиции Самозванца позволяют соотнести историю ее формирования с двумя фазами политической карьеры “царя Дмитрия”.

Первую фазу истории *memoria* Самозванца я бы назвала конституирующей. Она относится к периоду пребывания Лжедмитрия в статусе претендента на русский трон. Все усилия Самозванца

были направлены тогда на обоснование своих политических претензий, и потому на данном этапе он пытался включить себя в традицию власти единственной легитимной династии в России – Рюриковичей. Присваивать политическую культуру московских царей, в частности Ивана Грозного, Лжедмитрий начал с обращения к русской государственной символике, что нашло отражение в его печатях “польского” периода. Однако уже в это время характер манифестации власти Лжедмитрия был европейским, что проявилось в “европеизации” основных символов русской государственности и использовании типично европейских геральдических и сфрагистических элементов на печатях и медали, изготовленных в Польше. Причинами данного феномена были, с одной стороны, причастность к политической карьере Самозванца польского короля Сигизмунда III и польских магнатов Вишневецких и Мнишеков, немало поспособствовавших приходу Лжедмитрия к власти в Московии, с другой стороны, необходимость для Лжедмитрия получить поддержку своих царских амбиций среди монархов Европы. Можно считать, тем самым, что первая фаза истории мемориальной традиции Самозванца, хотя и была отмечена его политической несамостоятельностью, стала для Лжедмитрия основой утверждения его политической идентичности.

Вторая фаза истории *memoria* Лжедмитрия наступает после его венчания на царство в 1605 г. и складывается под знаком его недолгого пребывания у власти до мая 1606 г. На этом этапе акценты политической манифестации властных амбиций Самозванца смещаются. В ней усиливается “русский элемент”, что отражено в печатях, свадебной медали и монетах “московского” периода, выполненных с учетом русской геральдической и сфрагистической традиции. Данным решением Лжедмитрий демонстрировал суверенность своей власти – жест, направленный, с одной стороны, в сторону Сигизмунда III, очевидно ожидавшего от Лжедмитрия послушания своей воле и потому ставшего для него препятствием в достижении политической самостоятельности, а с другой стороны, в сторону социальной элиты Московии, от чьей поддержки зависела прочность его положения на московском престоле. В то же самое время в мемориальной традиции Лжедмитрия не только сохраняется, но и развивается “европейский элемент”, который свидетельствует о сознательных устремлениях Лжедмитрия не к традиционным для московских царей образцам репрезентации власти – Византии и Османской империи, а к культуре власти Западной Европы. Наиболее ярко он проявился в

беспрецедентной для предшествующей Лжедмитрию московской политической традиции форме *memoria* – в итальянском доспехе Самозванца, украшенном “большой” печатью Ивана Грозного. Европейское исполнение “большой” печати Ивана IV на доспехе, равно как и принятый Лжедмитрием титул императора, его склонность носить европейскую одежду, участие в военных действиях и другие свидетельства обращения к образу европейского правителя-“рыцаря”, к которым следует отнести и намерения Лжедмитрия создать антиосманский союз христианских государств, открыть границы, привлечь в Россию иностранных специалистов и купцов, основать университет в Москве (они, правда, так и остались на уровне декларации по причине короткого пребывания Лжедмитрия у власти) – все это позволяет рассматривать заказанный “царем Дмитрием” доспех как политический манифест. Для Лжедмитрия доспех служил воплощением завоеванного им статуса московского царя и, одновременно, предвосхищением запланированных им военных побед и государственных свершений, которые должны были способствовать его славе и будущему приятию его в круг европейских королей. Использование западноевропейского доспеха как формы репрезентации королевской власти можно рассматривать как заявку Самозванца на европейскую идентичность русских царей. В отличие от первой фазы истории *memoria* Лжедмитрия, есть все основания усматривать в этой заявке собственное видение Самозванцем будущего Московского государства и расценивать ее как осознанную политическую программу и стратегию Самозванца.

¹ Среди наиболее актуальных исследований по этой теме: *Козляков В.Н.* Лжедмитрий I. М., 2009; *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987; *Ульяновский В.И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993; *Он же.* Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Киев, 1993; *Он же.* Лжедмитрий I и Украина: Указатель архивных источников и материалов. Киев, 1991; *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 201–235.

² О появлении Лжедмитрия на исторической сцене см.: *Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.)*, известный под именем истории ложного Дмитрия // РИБ. СПб., 1872. Т. 1: Памятники, относящиеся к Смутному времени. Извлечены из рукописей Императорской Публичной Библиотеки и Главного Штаба. Стб. 83.

³ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 17–24.

⁴ В научной и научно-популярной литературе существует версия о том, что царевич Дмитрий был подменен другим ребенком и спасен. *Бестужев-Рюмин К.Н.*

- Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени. СПб., 1898; *Валишевский К.* Смутное время. М., 1991; *Суворин А.С.* О Димитрии Самозванце. СПб., 1906; *Костомаров Н.И.* Кто был первый Лжедмитрий. СПб., 1864. С. 60. Эти авторы считают, что так называемый Лжедмитрий был не самозванцем, а подлинным сыном Ивана Грозного.
- ⁵ *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цезарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, награжденные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 4. Биографии Лжедмитрия см.: *Костомаров Н.И.* Названный Дмитрий // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2006; *Козляков В.Н.* Указ. соч.
- ⁶ *Дубовик В.В.* Родословные росписи “Иоанна Тимофея Шуйского” – самозванца Тимофея Акиндинова // Самозванцы и самозванчество в Московии: Материалы международного научного семинара (25 мая 2009 г., Будапешт). Будапешт, 2010. С. 155–179.
- ⁷ *Свак Д.* Несколько методологических и исторических замечаний о “самозванчестве” // Самозванцы и самозванчество в Московии... С. 56; *Перри М.* Самозванцы XVII в. и вопрос о легитимности правящего царя // Самозванцы и самозванчество в Московии... С. 67–69.
- ⁸ Подробнее об этом мотиве: *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.
- ⁹ Лжедмитрий I якобы показал на своей руке “изображение Московского орла”. Дневник Мартына Стадницкого // Русский архив. 1906. Кн. 2, № 5. С. 133. Текст грамоты Лжедмитрия приведен в: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. II, № 26. С. 76.
- ¹⁰ В польском хронографе об этом пишется: “...Бог чудесным образом, при содействии доктора, избавил его ото смерти, приготовленной ему Борисом Годуновым, который желая быть царем, приказал было задушить его в Угличе”. См. примеч. 2.
- ¹¹ Легитимность Михаила Романова от лица царевича Ивана Дмитриевича (сына Марины Мнишек и второго Лжедмитрия) оспаривали Иван Заруцкий и Марина Мнишек. Тимошка Анкидинов, выдававший себя за Ивана Васильевича Шуйского, осуждал как лжецаря Алексея Михайловича. *Свак Д.* Указ. соч. С. 54–56; *Перри М.* Указ. соч. С. 66–78.
- ¹² *Свак Д.* Указ. соч. С. 56. Почти общим местом в политической стратегии самозванцев было обещание народу “справедливого порядка”, “свободы”, “мира и спокойствия”. *Дубовик В.В.* Указ. соч. С. 177; *Буганов А.В.* Самозванчество и социально-утопические представления русских // Самозванцы и самозванчество в Московии... С. 186.
- ¹³ Подробнее: *Ариaultova Ю.Е.* “*Memoria*”: “тотальный социальный феномен” и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2003. С. 19, 20, 23, 35.
- ¹⁴ *Ассман Я.* Культурная память. М., 2004. С. 17, 41; *Эккле О.Г.* Аристократия, *memoria* и культурная память: Несколько замечаний по поводу мемориальной капеллы Фуггеров в Аугсбурге // Образы прошлого... С. 39–40.
- ¹⁵ Там же. С. 39.
- ¹⁶ Имеются в виду статьи: *Эккле О.Г.* *Memoria* Вельфов: домовая традиция аристократических родов и критерии ее изучения // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 308–338, и цитирувавшаяся выше работа “Аристократия, *memoria* и

- культурная память...”, посвященная изучению создания разнообразных форм собственной *memoria* семьей аугсбургских купцов и предпринимателей Фуггеров в начале XVI в. См. также: *Kamp H. Memoria und Selbstdarstellung: Die Stiftungen des burgundischen Kanzlers Rolin*. Sigmaringen, 1993; *Borgolte M. Petrusnachfolge und Kaiserimitation: Die Grablegen der Päpste, ihre Genese und Traditionsbildung*. Göttingen, 1989; *Staub M. Memoria im Dienst von Gemeinwohl und Öffentlichkeit: Stiftungspraxis und kultureller Wandel in Nürnberg um 1500 // Memoria als Kultur / Hg. v O.G. Oexle*. Göttingen, 1995. S. 285–334.
- ¹⁷ Эжкле О.Г. *Memoria* Вельфов: домовая традиция аристократических родов и критерии ее изучения...
- ¹⁸ Ассман Я. Указ. соч. С. 75.
- ¹⁹ Известно, что Папа Римский Климент VIII, хотя и признал впоследствии первого Самозванца законным московским царем и даже утвердил за ним титул императора, сравнивал Лжедмитрия I с Лжесебастьяном португальским. Свак Д. Указ. соч. С. 49.
- ²⁰ Лжедмитрий не является автором легенды о чудесно спасшемся царевиче Дмитрие – она оформилась в 1598–1600 гг. в среде казачества, выдвигавшего впоследствии на русский престол многих самозванцев. При этом “Дмитрий” постепенно выработал версию своего “чудесного спасения”, используя различные варианты в зависимости от той среды, которой она была адресована. Там же. С. 53–54.
- ²¹ Подробнее: *Арнаутова Ю.Е. “Memoria”*: “тотальный социальный феномен” и объект исследования... С. 29.
- ²² Ассман Я. Указ. соч. С. 75.
- ²³ Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1856. Ч. 1. С. 339.
- ²⁴ Мельникова А.С. Монеты Лжедмитрия I. 1605–1606 // Тр. ГИМ. М., 1986. Вып. 61: Нумизматический сборник, ч. 9. С. 10–13.
- ²⁵ Среди исследований, посвященных этим вопросам: *Зверев С.В.* Польские медали Лжедмитрия I, их назначение и датировка // Нумизматический сборник: Материалы научно-практической конференции “100-летие Московского нумизматического общества”. М., 1990. С. 43–49; *Карзинкин А.О.* О медалях царя Дмитрия Иоанновича (Лжедмитрия I). М., 1889; *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История денежной системы с 1553 по 1682 г. М., 1989; *Она же.* Очерки по истории денежного обращения XVI–XVII веков. М., 2005; *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991; *Спаский И.Г.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.: (историко-нумизматическое исследование) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1955. № 44. С. 214–355.
- ²⁶ *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цезарь. С. 40.
- ²⁷ См. ил.: Там же. С. 35. Прорисовка из книги “Снимки с древних русских печатей...”. М., 1882. Ч. 1.
- ²⁸ О стилистике изображения эмблемы орла: *Королев Г.И.* Стилистика двуглавых орлов XIII–XVII вв.: (сравнительный разбор) // Гербовед. М., 1999. № 38. С. 60–65; *Лавринов В.И.* Российский государственный орел: История эмблемы и символа // Гербовед. М., 1992. № 2. С. 9–21; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М., 1993.
- ²⁹ Подробнее: *Пчелов Е.В.* Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII вв. М., 2001. С. 31–32.
- ³⁰ *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цезарь. С. 38. Прорисовка из книги “Снимки с древних русских печатей...”.

- ³¹ Об этой эмблеме в русской традиции: *Агоштон М.* Из истории происхождения российской государственной символики: змеборец // Вестн. Волгоградского гос. архитектурно-строительного ун-та. Сер. “Строительство и архитектура”. 2005. Вып. 5 (17). С. 65–73; *Она же.* К вопросу о происхождении российской государственной символики: двуглав // Изв. Волгоградского гос. технического ун-та: Актуальные проблемы реформирования российской экономики. Волгоград, 2005. С. 102–111; *Соболева Н.А.* Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006.
- ³² На личной печати Ивана Грозного изображен двуглавый орел, на груди которого щиток с изображением единорога. *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цезарь. С. 39. Прорисовка из книги “Снимки с древних русских печатей...”. М., 1882. Ч. 1.
- ³³ Подробнее о московской традиции см.: *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики. М., 2005.
- ³⁴ *Бильбасов В.* Письмо Лжедмитрия Клименту VIII // Русская старина. М., 1898. Т. 94. С. 307–308; *Дракохруст Е.И.* Иконографические источники, освещающие польскую интервенцию XVII в. // Тр. ГИМ. М., 1941. Вып. 14: Сб. ст. по истории СССР XVI–XVII вв. С. 36–37.
- ³⁵ *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цезарь. С. 10, 12, 35, 37, 43–44.
- ³⁶ Там же. С. 52.
- ³⁷ Там же. С. 42. Прорисовка из книги “Снимки с древних русских печатей...”.
- ³⁸ Там же. С. 44. Прорисовка из книги “Снимки с древних русских печатей...”.
- ³⁹ *Лаврентьев А.В.* Лжедмитрий I: от царя к императору // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / под ред. М.А. Бойцова, О.Г. Эксле. М., 2008. С. 247.
- ⁴⁰ *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цезарь. С. 53.
- ⁴¹ Титул “цезарь” употреблялся Лжедмитрием до декабря 1605 г., после чего был заменен на латинскую версию “imperator”. В России, равно как и в Польше, титул “цезарь” воспринимался как славянская форма титула “император”. *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 141.
- ⁴² *Мартынова М.В.* К вопросу об атрибуции регалий царя Михаила Федоровича // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 392–403.
- ⁴³ Подробнее об этом: *Иконников В.С.* Дмитрий Самозванец и Сигизмунд III: Эпизод из истории Смутного времени Московского государства. Киев, 1890. С. 8–10; *Пирлинг П.* Из Смутного времени: (Дневник Андрея Лавицкого) // Русская старина. 1900. Т. 104. С. 693.
- ⁴⁴ Подробнее см.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 74–76; *Прозоровский Д.И.* О значении царского титула до принятия русскими государями титула императорского // Изв. Русского археологического общества. СПб., 1877. Т. 8, вып. 5. Стб. 469, 471–474; Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета. М., 1979. С. 148–149; Сообщение польских послов в России Александра Гонсевского и Николая Олесницкого “Об умерщвлении Московского государя Димитрия. 27 числа мая” // РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 424.
- ⁴⁵ *Лаврентьев А.В.* Для каких целей были отчеканены “золотые” Лжедмитрия I? // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. С. 205.
- ⁴⁶ Печать датируется июнем 1577 – августом 1578 гг. Она не сохранилась, но ее отгиски дошли до нас на двух договорных грамотах 1578 и 1583 гг. (ил. 3, 4). Грамота 1578 г. находится в Национальном Архиве Дании в Копенгагене

(Rigsarkivet. Pergamentsamlingens udenrigske Afdeling. Rusland 1578). Она опубликована в: *Lind G.H.* Ivan IV's Great State Seal and his Use of some Heraldic Symbols during the Livonian War // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. München, 1985. N 33. S. 481–494. Грамота 1583 г. хранится в Национальном Архиве Швеции в Стокгольме (Das große Staatssiegel Iwans IV., angefügt an einen Brief an König Johann III. Von Schweden, 1583 // Rigsarkivet. Diplomatica Collection. Muscovitica. V. 616, N. 2). Она опубликована в каталоге выставки: *Der Kreml. Gottesruhm und Zarenpracht: Kunst und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, Bonn, 13th of February – 31st of May 2004. Bonn, 2004. S. 113.* Выражаю благодарность за информацию об этих оттиках Иохану Энгстрому и Джону Линду. Подробнее о печати см.: *Артамонов В.А., Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 154–167 (фото на с. 227–228); *Соболева Н.А.* Русские печати. С. 209–215 (фото на с. 211); *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. С. 26–32 (фото на с. 24–25).

⁴⁷ *Линд Д.* Большая государственная печать Ивана IV и использование в ней некоторых сфрагистических символов времен Ливонской войны // *Архив русской истории*. М., 1994. Вып. 5. С. 202–209.

⁴⁸ На то, что Лжедмитрий предпочел печать Ивана Грозного (по крайней мере в качестве эмблемы на доспехе), а не какого-то другого предшественника, указывают особенности ее изображения. Цари Федор Иванович, Борис Годунов, Василий Шуйский и Михаил Федорович использовали "большие" печати, отличавшиеся от аналогичной печати Ивана Грозного. На них над головами орлов изображены две короны, а между головами – Голгофский крест (но без Адама и орудий страстей). *Пчелов Е.В.* Бестиарий Московского царства... С. 30; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. СПб., 1997. С. 31.

⁴⁹ ВИМАИВиВС – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

⁵⁰ Инв. № 0137/369. По сведениям Е.А. Кеммерера, доспех был приобретен в 1868 г. в Эмсе камер-юнкером А.И. Базилевским и подарен в 1870 г. императору Александру II. Так он стал частью императорской оружейной коллекции, располагавшейся в Царском Селе. *Кеммерер Е.А.* Вооружение, приписываемое Лжедмитрию, хранящееся в Царскосельском Его Величества арсенале // *Русская старина*. 1872. Т. 5, № 2. С. 331–332. Перед тем как преподнести доспех императору, А.И. Базилевский пытался продать его, о чем свидетельствует каталог аукциона, проходившего 26 апреля 1869 г. в Париже. На аукционе доспех Лжедмитрия был выставлен как лот 11. *Catalogue des armures, armes offensives & defensives des XVe, XVIe & XVIIe siècles faisant partie de la célèbre Collection de M. В*** (Базилевский. – Ю.И.) et dont la vente aura lieu Hotel Drouot, salle № 9. Le Lundi, 26 Avril 1869, a deux heures. P. 4.* Судя по пометке, сделанной на полях каталога, А.И. Базилевского не устроила цена, и потому он снял доспех с продажи. До 1936 г., когда доспех официально вошел в состав собрания ВИМАИВиВС, он был частью оружейной коллекции Государственного Эрмитажа (инв. № I 625). 29 сентября 1933 г. доспех был временно передан Эрмитажем в Артиллерийский музей на выставку "Смутное время" и затем оставлен там на постоянное хранение (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 74. Л. 99–101). Перемещение его из Эрмитажа в Артиллерийский музей было, по всей видимости, малоизвестным фактом, так как среди некоторых историков еще сравнительно недавно бытовал миф о том, что доспех был продан в 1930-е годы в Чикаго. *Лавренов В.И.* О русских гербах на доспехах Лжедмитрия I // Тверь, твер-

ская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 1997. Вып. 2. С. 355. В недавней работе Е.В. Пчелов, разоблачая историков, которые “допускают совершенно произвольные суждения”, сам безосновательно причислил доспех к собранию ГИМ в Москве. *Пчелов Е.В.* История государственной символики России: проблемы и направления исследования // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: Материалы XXI Международной научной конференции. Москва, 29–31 января 2009 / РГГУ, ИАИ, кафедра ИВИД. М., 2009. С. 17–30. Хочу подчеркнуть, что доспех с момента своего поступления в императорскую оружейную коллекцию никогда не выбывал из нее ни в США, ни в Москву. Первоначально он хранился в Царскосельском Арсенале, затем – в Эрмитаже, а в 1936 г. поступил в ВИМАИВиВС, где и находится в настоящее время. Он выставлен в экспозиции “Рыцарского зала”, открытого в Артиллерийском музее в 2006 г. Подробнее см.: *Ефимов С.В., Рымица С.С.* Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб., 2009. Т. 1.

⁵¹ Инв. № 1982.2430а-б.

⁵² Подробнее см.: *Бударагин В.П.* “Сила Крестная” и “титла кресту Христову” // Старообрядчество в России (XVII–XX века). М., 2004. Вып. 3. С. 291–296; *Щедрина К.А.* О некоторых особенностях иконографии горы Голгофы в изображении Креста и Распятия // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 287.

⁵³ Прорисовка печати: *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. СПб., 1853. Ч. II. табл. XV.

⁵⁴ По эмблеме двуглавого орла, увенчанного одной короной, без скипетра и державы в лапах, Е.А. Кеммерер определил, что доспех был изготовлен до 1613 г. Он справедливо отмечал, что с избранием на престол Романовых двуглавый орел начинает изображаться с тремя коронами, со скипетром и державой в лапах. Впервые такой орел встречается на доспехе Михаила Федоровича. См.: Зерцальный доспех царя Михаила Федоровича Романова. Москва, 1616. Мастера Дмитрий Коновалов и Андрей Тирман. Государственная Оружейная палата (далее – ГОП), Москва, ОР–124. Е.В. Пчелов датирует появление в русской государственной геральдике трех корон над головой двуглавого орла 1625 г. на основании появления большей короны по сравнению с двумя другими на Малой печати Михаила Федоровича – “орловской воротной”. *Пчелов Е.В.* Бестиарий Московского царства... С. 32. Однако на доспехе Михаила Федоровича третья корона тоже больше по размеру, чем две другие. Появление в русской государственной геральдике трех корон правильнее отнести к дате создания доспеха – 1616 г. (как царская военная регалия доспех также является источником по государственной символике). В печати 1625 г. третья корона закрепляется в качестве государственной эмблемы. Западноевропейский характер доспеха (Е.А. Кеммерер ошибочно считал его немецким, а не итальянским), его стиль “эпохи упадка красивых рыцарских доспехов”, а также особенности геральдических рисунков на нем позволили Е.А. Кеммереру отнести его к концу XVI – началу XVII в. По его мнению, из всех московских царей, правивших в этот период, наиболее вероятным владельцем западноевропейского доспеха был Лжедмитрий I. *Кеммерер Е.А.* Указ. соч. С. 333–334. Добавлю, что доспех сделан для худощавого человека.

⁵⁵ *Tarassuk L.* Italian Armor for Princely Courts: Renaissance Armor from the Trupin Family Trust and G.F. Harding Collection, the Art Institute of Chicago. Chicago, 1986. P. 22–23.

- ⁵⁶ Ibid. P. 22–23.
- ⁵⁷ Цит. по: *Соболева Н.А.* Печать царства Казанского // Гасырлар авазы = Эхо веков. Казань, 2008. Вып. 1. С. 33–44. Считается, что Ивану IV важна была подобная мистификация для того, “чтобы произвести впечатление на получателя”, и как элемент его последующей “игры” с рядом государей прибалтийских стран, в частности со Швецией. *Линд Д.* Указ. соч. С. 213.
- ⁵⁸ Мортира самозванца. Москва, 1605. Мастер Андрей Чохов, литец Проня Федоров. ВИМАИВиВС, Санкт-Петербург, 9/58. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: история и коллекции / сост. В.М. Крылов, С.В. Ефимов, Л.К. Маковская, С.В. Успенская. СПб., 2004. С. 59.
- ⁵⁹ Считается, что балтийское направление было одним из главных во внешней политике Лжедмитрия и он не торопился начинать войну со Швецией, к которой склонял его польский король. *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты... С. 7–53.
- ⁶⁰ *Stökl G.* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972. S. 53.
- ⁶¹ Подробнее см.: *Лаврентьев А.В.* Царевич – царь – цезарь. С. 22–23.
- ⁶² “Наяснейший и непобедимейший самодержец и великий государь Дмитрий Иванович... цесарь и великий князь всея России и всех Татарских царств и иных многих государств, Московской монархии подлеглых, государь, царь и обладатель”. Посольство от великого князя Московского, Дмитрия Ивановича к Его Величеству королю, 1605 года // РИБ. Т. 1. Стб. 42; Старина и новизна: Исторический сб., издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. М., 1911. Кн. 14. С. 235.
- ⁶³ Подробнее см.: *Лаврентьев А.В.* Лжедмитрий I: от царя к императору... С. 248.
- ⁶⁴ *Соболева Н.А.* Русские печати. С. 209–214; *Stökl G.* Op. cit. S. 53; *Piech Z.* Herrscher und Staat in den ikonographischen Quellen im Zeitalter der Jagiellonen // Die Jagiellonen: Kunst und Kultur einer europäischen Dynastie an der Wende zur Neuzeit. Nürnberg, 2002. S. 38.
- ⁶⁵ См. примеч. 46.
- ⁶⁶ См. примеч. 53.
- ⁶⁷ Вместо них на печатях на доспехе изображены два “кольца” (одно поменьше – обрамляющее орла, второе побольше – обрамляющее территориальные эмблемы), пропорционально точно соответствующие ширине и диаметру двух круговых строк с титулатурой Московского правителя на оттиске оригинальной печати. При этом составленные из бусин орнаментальные окружности, обрамляющие круговые надписи на оттиске, присутствуют в качестве орнамента и вокруг “колец” в декоре доспеха.
- ⁶⁸ *Ленц Э.* Указ. соч. С. 283.
- ⁶⁹ Коронованный дракон (или василиск) на эмблеме Казанского царства изображен стоящим на лапах, в то время как на оттиске оригинальной печати он опирается и на лапы, и на хвост. Куница на эмблеме Югорской земли стоит на всех четырех лапах, в то время как на оригинальной печати – только на двух. Об этих эмблемах подробнее см.: *Арциховский А.В.* Древнерусские областные гербы // Уч. зап. МГУ. 1946. Вып. 93: История, кн. 1. С. 58–59; *Лукичев М. П., Станиславский А.Л.* Печать Казанского царства начала XVII в. // История и палеография. М., 1993. С. 237; *Редин Д.А.* Рисунки печатей сибирских городов и острогов в “Служебной чертежной книге” С.У. Ремезова: (К вопросу о досто-

- верности изобразительного источника) // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута. Екатеринбург, 1994.
- ⁷⁰ *Соколова И.В.* Печати византийских императоров: Каталог коллекции Эрмитажа. СПб., 2007.
- ⁷¹ Шлем. Италия, XVI в. ГОП, Москва, ОР-297. Государева Оружейная палата / сост. И.А. Комаров, А.К. Левыкин, Е.А. Яблонская, О.И. Миронова, А.Н. Чубинский, Л.П. Кириллова. СПб., 2002. С. 313–314.
- ⁷² Некоторые эскизы доспехов опубликованы в: *Sous l'égide de Mars. Armures des princes d'Europe* / Ed. N. Chaudun. Paris, 2011.
- ⁷³ Одним из них был миланский ювелир Я. Челлари, входивший в ближайшее окружение Лжедмитрия. *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 143. Ювелиры и оружейники относились к представителям наиболее тесно связанных между собой профессий, поскольку золочение и декорирование доспехов являлись неотъемлемой частью технологии их изготовления. *Pyhrr S.W., Godoy J.-A.* Heroic Armor of the Italian Renaissance: Filippo Negrolì and his Contemporaries. With Essays and a Compilation of Documents by S. Leydi. N.Y., 1999. P. 23–25.
- ⁷⁴ См. подробнее: *Свак Д.* Указ. соч. С. 49–50; Записки гетмана Жолковского о Московской войне. СПб., 1871. Приложение. Стб. 5–10.
- ⁷⁵ О “прикладной” печати Лжедмитрия см. примеч. 27. О титуле Лжедмитрия в тот период см. примеч. 35.
- ⁷⁶ Доспех английского короля Генриха VIII (1491–1497). Фландрия, Англия, Гринвич, 1515. Королевский Арсенал, Лондон, II.5. *Henry VIII Arms And The Man, 1509–2009* / Ed. by G. Rimer, Th. Richardson, J. P. D. Cooper. Leeds, 2009. P. 172.
- ⁷⁷ Доспех Фердинанда II (1578–1637), императора Священной Римской Империи с 1618 г. Мастер I.O., Милан, 1600. Художественно-исторический музей (далее – ХИМ), Вена, А 1712. *Beaufort C., Pfaffenbichler M.* Meisterwerke der Hofjagd- und Rüstammer. Wien, 2005. S. 78.
- ⁷⁸ От этого доспеха сохранился только шлем: “Рогатый” шлем. Мастер Конрад Зюзенхофер, Инсбрук, 1511–14. Королевский Арсенал, Лондон, IV.22. *Henry VIII Arms And The Man...* P. 166.
- ⁷⁹ Подробнее о нем: *Опись Московской Оружейной палаты.* М., 1884. Ч. 3, кн. 2. С. 175.
- ⁸⁰ Доспех польского короля Стефана Батория (1522–1588). Турция, 1550–1560. ХИМ, Вена, А 609. *Beaufort C., Pfaffenbichler M.* Op. cit. S. 144.
- ⁸¹ Доспех князя Николая IV Радзивилла (1515–1565). Мастер Кунц Лохнер, Нюрнберг, 1555. ХИМ, Вена, А 1412. *Ibid.* S. 172.
- ⁸² Некоторые предметы переходили к царям от представителей знати. Среди них – шапка ерихонская “кучумовская” (Иран, XVI в., ГОП, Москва, ОР-164). В переписной книге 1686/87 г. указано поступление ее от Бориса Петровича Шереметьева (ум. 1650). *Комаров И.А., Яблонская Е.А.* Парадное оружие русских государей XVI–XVII вв. М., 2006. С. 54.
- ⁸³ Подробнее см.: *Лабутина Л.Т.* “Западничество” и “англомания” Ивана Грозного: (К вопросу о вестернизации политической элиты России) // *Нобилитет Старой Европы* / под ред. С.Е. Федорова, А.Ю. Прокопьева. СПб., 2010. С. 274–281.
- ⁸⁴ В Оружейной палате находится байдана (защитная одежда в виде рубахи, сбранной из широких плоских металлических колец), которую приписывают Борису Годунову (ОР-31). Государева Оружейная палата... С. 316. Насколько

мне известно, на ней нет никаких надписей или изображений, указывающих на владельца, и пока не найдено никаких источников, доказывающих, что она принадлежала ему.

⁸⁵ См. примеч. 54.

⁸⁶ К вопросу о военной атрибутике в системе репрезентации власти русских царей обращался А.К. Левыкин. По его заключению, в доромановской России в комплект *личного* вооружения московского царя входили: три саадака (в XVI в. саадак состоял из лука в налуче и стрел в колчане), копье, сулица (небольшое копье с листовидным наконечником), рогатина (тяжелое копье), пищаль и шлем. Доспех (как защита для туловища) в числе этих предметов не встречается. *Левыкин А.К.* Русское церемониальное оружие XVI–XVII вв. // Королевский двор на политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал. М., 2004. С. 383–408.

⁸⁷ Шлем Ивана Грозного. Иран, XVI в. Оружейная палата (далее – ОП), Стокгольм, 20389 (2634).

⁸⁸ Гипотеза о наличии на шлеме коранической надписи была выдвинута переводчиком Генерального консульства Исламской республики Иран и преподавателем персидского языка Арашем Амирханлу. По его мнению, надпись читается как “Аллах Мухаммед”, повторяется по венцу шлема семь раз, и является сокращением выражения “Велик Аллах, и Мухаммед пророк его” (“Нет Бога кроме Аллаха, и Мухамед пророк его” (?)) или другой суры. Эта версия была документально зафиксирована сотрудниками астраханского Музея Боевой Славы (в этом музее шлем был выставлен на временную экспозицию в 2009 г.) Е.Г. Арутюновой и Н.В. Курьяновой. С этим официальным заключением (датированным июнем 2009 г.) мне позволила ознакомиться куратор стокгольмской Оружейной палаты Анна Мария Дальберг. Судя по отчету, сотрудники музея разделяют версию А. Амирханлу, при этом считают, что надпись сделана на “редком диалекте арабского языка”.

⁸⁹ Лингвистический анализ надписи на шлеме проведен Барбарой Бруни, специалистом по древневосточным языкам из Университета Флоренции и зафиксирован в ее официальном заключении от 26 июля 2011 г. По ее мнению, надпись на шлеме не читается ни на арабском, ни на османском турецком языках, хотя и имеет лингвистические аналогии с андалузско-магрибскими каллиграфическими системами. Она не исключает, что надпись является имитацией арабских графем, и в этом случае она была нанесена человеком, не владеющим арабским языком.

⁹⁰ Е.Г. Арутюнова и Н.В. Курьянова считают, что начертание русских букв в надписи на шлеме выдает в ее авторе “южнославянина или малоазиатского грека”.

⁹¹ Опись Московской Оружейной палаты... С. 20–37.

⁹² Шишак. Турция, XVI в. ГОП, Москва, ОР-165. Шишак – шлем полусферической формы с возвышением на макушке и навершием – шишечкой.

⁹³ По венцу шишака нанесено золотом: “ВО ИМЯ БОГА БЛАГОГО И МИЛОСЕРДНОГО ДАЛ ТЕБЕ ПОБЕДУ ЯВНУЮ, ДА ОТПУСТИТ БОГ ТЕБЕ ГРЕХИ, КОТОРЫЕ СОДЕЯЛ ТЫ И КОТОРЫЕ СОТВОРИШЬ, ИСПОЛНИТ ТЕБЯ ГОСПОДЬ БЛАГОДАТИ СВОЕЙ, НАСТАВИТ НА ПУТЬ ПРАВДЫ И УКРЕПИТ МОЩЬЮ ПРЕСЛАВНОЙ”. Другие надписи помещены на наушах шишака: “БОЖЕ ЕДИННОСУЩНЫЙ ЦАРЬ ВСЯЧЕСКИХ, БЕССМЕРТНЫЙ, ПРЕМУДРЫЙ, СВЯТЫЙ”. На назатыльнике надпись: “Я ПОСЛАЛ ТЕБЯ ПРОСВЕТИТЬ РОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, НЕВЕРНЫЕ ЖЕ, УСЛЫШАВ, ЧТО

ТЫ ПРОПОВЕДУЕШЬ УЧЕНИЕ АЛКОРАНА, ХОТЯТ СМУТИТЬ ТЕБЯ ВЗОРАМИ СВОИМИ И, ЗАВИДУЯ ТЕБЕ, СТАНУТ ГОВОРИТЬ: ОН ОДЕРЖИМ БЕСОМ”. Государева Оружейная палата... С. 300–301.

⁹⁴ “ПОВЕЛЕНИЕМЪ БЛАГОВЕРНАГО И ХРИСТОЛЮБИВАГО ЦАРЯ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИИ САМОДЕРЖЦА СДЕЛАН ШЕЛОМ СЕЙ БЛАГОВЕРНОМУ СЫНУ ЕГО ЦАРЕВИЧУ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ В ЧЕТВЕРТОЕ ЛЕТО РОЖДЕНИЯ ЕГО В ПРАИМЕНИТОМ ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ МОСКВЕ В ЛЕТО 1557”. Шлем Ивана Ивановича, сына Ивана Грозного. Москва, 1557. ГОП, Москва, ОР-9. *Комаров И.А.* Древности Российского государства. Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С. 23.

⁹⁵ *Миллер Ю.А.* Детское и миниатюрное оружие XVI–XVII вв. в собрании Эрмитажа. СПб., 2006. В Речи Посполитой практика изготовления детских доспехов тоже существовала. См.: Детский доспех польского королевича Владислава IV Вазы (1595–1648). Милан, 1605. ОП, Стокгольм, 2620. *Smith R.D.* Heavy Metal: Focus on European Armour. Delft; 2004. P. 54.

⁹⁶ Государева Оружейная палата... С. 325–325.

⁹⁷ См. примеч. 86.

⁹⁸ *Левыкин А.К.* Указ. соч. С. 404.

⁹⁹ Подобного нельзя сказать о сохранившемся оружии приближенных русских царей – представителей родовой и служилой аристократии, занимавшейся государственной и военной деятельностью – дворян, бояр и князей. Практически все оно подписано, т.е. изначально было рассчитано на узнавание, демонстрацию имени, статуса и рода занятий того, кто им владел. Так как военная служба при царском дворе и на границах Московии входила в сословные обязанности этих людей, а для многих из них (малоземельных и безземельных) вообще была единственным занятием и источником дохода, то, вероятно, для них было свойственно манифестировать свою родовую *memoria* в оружии и доспехах. См.: Кольчуга князя Петра Ивановича Шуйского. Россия, 1542–1564. ГОП, Москва, ОР-19. На кольчуге прикреплена медная запонка с вырезанной на ней надписью: “КНЯЗЯ ПЕТРОВЪ ИВАНОВИЧА ШУСКОГОВА”; Нож в ножнах подсаадачный князя Андрея Ивановича Старицкого. Россия, 1513. ГОП, Москва, ОР-64/1-3. На одной грани обуха надпись: “КНЯЗЯ ОНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ЛЕТА 7021”; Палаш И.В. Измайлова. Италия, начало XVII в. ГИМ, Москва, 68257 2666/1-2 ор. На клинке надпись: “ПОЛАШЪ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА (И)ЗМАЙЛОВА”. Палаш – вид рубяще-колющего клинкового холодного оружия со сложной гардой и с широким, длинным и прямым к концу клинком; Шапка ложчатая боярина Никиты Ивановича Романова. Россия, XVI в. ГОП, Москва, ОР-2060; Подсаадачный нож Ивана Ивановича Кубенского. 1535. ГИМ, Москва 57358 ор. 1009. На обухе надпись: “Ножъ князь Ивановъ Ивановича лета ЗМГ”.

¹⁰⁰ Концепция “Москва – Третий Рим”, хотя и была изложена в послании монаха Филофея только в 1523–1524 гг., как идея преемственности Москвы от Восточно-Римской империи, в том числе и в контексте дипломатических взаимоотношений с государями Священной Римской империи, существовала уже в 1480–1490 гг. *Синицына Н.В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVII вв.). М., 1998. С. 118–121.

¹⁰¹ Преемственность была оформлена обрядом венчания турецкого султана Мехмеда II в сан патриарха по византийскому обряду. *Werner E.* Sultan Mehmed der Eroberer und die Epochenwende im 15. Jahrhundert. Berlin, 1982. S. 29.

- ¹⁰² Саадак и саадачный покровец, которые А.К. Левыкин признает главными государственными боевыми регалиями в XVI–XVII вв., являются восточными по своему характеру, поэтому можно полагать, что и в оружии московские цари следовали восточным образцам репрезентации власти. *Левыкин А.К.* Указ. соч. С. 405.
- ¹⁰³ В современной Лжедмитрию Европе правителем-рыцарем, проводившим турниры и лично принимавшим участие в боевых действиях был Максимилиан III. Подробнее см.: *Podhorodecki L.* Sławni hetmani Rzeczypospolitej. Warszawa, 1994.
- ¹⁰⁴ Кроме упоминавшегося в примеч. 79 подарка от Стефана Батория.
- ¹⁰⁵ Подробнее по этой теме см.: *La civiltà del torneo*, sec. 12.–17. *Giostre e tornei tra Medioevo ed Età moderna: atti del 7. Convegno di studio*, Narni, 14–15–16 ottobre 1988 / Centro studi storici. Narni, 1990; *La ronde: giostre, esercizi cavallereschi e loisir in Francia e Piemonte fra Medioevo e Ottocento: atti del Convegno internazionale di studi*, Museo storico dell'Arma di cavalleria di Pinerolo, 15–17 giugno 2006 / a cura di F. Varallo. Firenze, 2010; *Sperandini G.M.* Feste, spettacoli e tornei cavallereschi nella Modena di Cesare d'Este, 1598–1628. Modena, 2008.
- ¹⁰⁶ Лжедмитрию I безусловно приписывается еще меч или палаш (см. примеч. 99). Считается, что он стал собственностью Ивана Васильевича Меньшова Измайлова, дворянина, рынды при дворе Лжедмитрия I и стольника при Василии Шуйском, в период его короткой службы при “дворе” королевича Владислава в 1610–1611 гг. К Лжедмитрию I исследователи ошибочно отнесли этот меч по сохранившимся на нем изображениям единорогов, сделанным раньше владельческой надписи. Орел и лев: Россия и Швеция в XVII веке: Каталог выставки. М., 2001. Кат. № 171. Единорог встречается в русской государственной геральдике, наравне с орлом и львом, начиная с Ивана III. Он также изображался на личном гербе Ивана IV. При этом единорог ставился не только на предметах, принадлежавших царям, но и на оружии царских телохранителей и военных знаменах. *Вилинбахов Г.В.* Русские знамена XVII века с изображением единорога // *Сообщ. Государственного Эрмитажа*. Л., 1982. Вып. 47. С. 22–24. Говорить о том, что палаш принадлежал царю вообще и Лжедмитрию в частности, – некорректно. Дворянин Измайлов в силу своего социального положения действительно мог обзавестись этим клинком при дворе одного из московских царей, но необязательно при Лжедмитрии. Если Е.В. Пчелов прав, и образ единорога близок к фигуре государя, значит единорог на клинке указывает всего лишь на причастность владельца оружия к государственной службе. *Пчелов Е.В.* Бестиарий Московского царства... С. 41–57.
- ¹⁰⁷ Атрибуция доспеха Лжедмитрия является самостоятельной научной проблемой, которая выходит за рамки настоящей статьи. Гипотеза Л.И. Тарасюка, предположившего, что доспех вышел из мастерской Помпео делла Чеза (*Pompeo della Cesa*, 1537–1610; *Tarassuk L.* Op. cit. P. 22.), нуждается в серьезном пересмотре с учетом современных знаний о деятельности Помпео и взаимодействии миланских оружейников в XVI–XVII вв. В настоящее время можно уверенно говорить только о том, что доспех Лжедмитрия был выполнен одним из безымянных пока для нас миланских мастеров, с чьим авторством соотносится целая группа доспехов, принадлежавших представителям итальянской и испанской знати середины XVI – начала XVII в. Этот мастер, вероятно всего, сотрудничал с разными посредниками, и Помпео делла Чеза был одним из них. Подробнее: *Parate Trionfali. Il manierismo nell'arte dell'armatura*

- italiana / Ed. S. Leydi, J.-A. Godoy. Geneva, 2003; *Pyhrr S.W., Godoy J.-A.* Op. cit.
- ¹⁰⁸ Дневник Марины Мнишек. С. 47, 53.
- ¹⁰⁹ *Лаврентьев А.В.* Лжедмитрий I: от царя к императору... С. 250; *Он же.* Царевич–царь–цезарь. С. 125.
- ¹¹⁰ Штуцер – нарезное дульнозарядное ружье. Штуцер Лжедмитрия I. Австрия (?), мастер Михаэль Цольнер (?), начало XVII в. ВИМАИВиВС, Санкт-Петербург, 0181. *Ефимов С.В., Рымша С.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 250–255. Почему авторы приписали создание штуцера некоему Михаэлю Цольнеру – неясно. Оружейник с таким именем не приведен ни в одном из существующих каталогов оружейных клейм. Известны дрезденские мастера Георг Цольнер и Гаспар Цольнер, возлагать на которых изготовление этого штуцера нет никаких оснований, так как на его стволе стоят инициалы “MZ” и клеймо, которое к этим мастерам не относится.
- ¹¹¹ Ошибка в имени, допущенная гравировщиком.
- ¹¹² *Кваливидзе Н.В.* Священный образ царя в московской живописи второй половины XVI в. // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 436.
- ¹¹³ Одним из первых светских портретов русских правителей стало изображение Михаила Романова, выполненное Иоанном Генрихом Ведекиндом в 1636 г., оригинал которого до наших дней не дошел, а копия, сделанная в 1728 г., находится в доме-музее Петра I в Таллине.
- ¹¹⁴ *Самойлова Т.Е.* Княжеские портреты и роспись Архангельского собора Московского Кремля // Исторический вестник. 1999. № 3/4. С. 153–219; *Кызласова И.Л.* О древнем портрете великого князя Василия III // Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002. С. 220–258; *Преображенский А.С.* Ктииторские портреты средневековой Руси и их воздействие на русскую иконографию (XI–XV вв.): Автореф. дис. ... канд. искусствовед. М., 2004.
- ¹¹⁵ См. примеч. 27.
- ¹¹⁶ “Дмитрий ИМПЕРАТОР Московии, супруг Марианны МНИШКОВНЫ, Георгия воеводы сандомирского и Тарловны урожденной дочери”.
- ¹¹⁷ Легенда этой медали – двуязычная. Надпись на русском гласит: “Дмитрий Иванович Б(о)ж(иею) м(и)л(остию) цесарь Роскии. Ле(та) царства сво(е)г(о) 1”.
- ¹¹⁸ См. примеч. 39, 40.
- ¹¹⁹ В Вишневецком замке в Польше портрет находился до XIX в., затем он был подарен Александру III владельцем замка Толли. Сейчас экспонируется в ГИМ в Москве.
- ¹²⁰ Портреты Лжедмитрия I и Марины Мнишек – парные. Марина Мнишек изображена на портрете (ГИМ, Москва) в коронационном платье. Позади нее художник изобразил сцену ее венчания на царство. Надпись на полотне сходна по содержанию с надписью на портрете Самозванца: “Marianna MNISZCHOWNA Georgii Palatini Sandomiriensis ex Tarlowna Progenita Filia, Vxor Demetrius IMPERATORIS Moschovia” (“Марианна МНИШКОВНА, Георга сандомирского воеводы и Тарловны урожденная дочь, супруга Дмитрия ИМПЕРАТОРА Московии”).
- ¹²¹ Среди них: Обручение Марины Мнишек и посланника А. Власьева в Кракове. Неизвестный польский художник, 1605. ГИМ, Москва.
- ¹²² Дмитрий Иванович Байда (ум. 1563), князь Вишневецкий, князь Белевский (1557–1559), Черкасский и Киевский староста (1550), господин Молдавии,

---

избранный великий князь Валахии (1563), гетман Войска Запорожского (1551–1557, 1559–1563), православный шляхтич, магнат.

¹²³ Константин Вишневецкий (1564–1641), князь Вишневецкий, воевода Белевский (1536–1638), Русский (1638–1641), староста Кременицкий и Черкасский (1620–1638).

¹²⁴ Экле О.Г. Меморія Вельфов...

¹²⁵ См. подробнее: Экле О.Г. Аристократия, *memoria* и культурная память...

¹²⁶ Арнаутова Ю.Е. *Memoria*: “тотальный социальный феномен” и объект исследования... С. 35.

¹²⁷ Подробнее: Экле О.Г. Аристократия, *memoria* и культурная память...